

шедший дом. Любишь ты себя или нет, но когда видишь, что тебя приходят слушать все — от директора до билетерши, то думаешь: наверное, все-таки я гениален. И крыша потихоньку начинает отрываться в путь: «Я гений! Я гений!» Если человек вовремя не спохватится, то с этого пьедестала падает прямо в психушку.

Но вот что нередко происходит. Певец на взлете славы, кажется, все впереди — и вдруг все кончилось, голос пропал, сел начисто, таких примеров масса. А сам я не могу не вздохнуть о двух известнейших певцах, блестящих баритонах, кумирах всего СССР — Евгении Кибкало и Александре Ворошило... Запас, что дала природа, оказывается весь исчерпан. Мастера наставляли: молодость проходит, бездарность остается. Поэтому надо научиться прикрывать свою бездарность в ранней молодости. Для этого существует школа. Она сугубо индивидуальна, знания передаются от учителя к ученику. Умер учитель — вместе с ним умерла и его школа, такое часто бывает. Некий певец, ученик, пришел к маэстро и спросил: — Маэстро, я буду великим певцом? — Ну что вы, — сказал маэстро. — Хорошим, крепким — я вас сделаю, а великим — увы... — Маэстро, — сказал ученик, — вы мне не подходите.

И ушел искать другого учителя. Нашел, и через некоторое время он стал одним из лучших певцов своего времени. Это был солист Императорского театра Николай Фигнер.

Но сейчас наступило время, когда электроника и микрофоны практически уравнили всех. Добавь немного реверберации, плюс микрофон, и тот, кто без него квакает, как лягушка, запоет голосом Робертини Лоретти. А Зосимов и Айзеншпис сделают звезду из любого. И не особенно важно, что именно поет певец: классический репертуар или попсу — просто и то, и другое все же нужно хоть как-то уметь петь. Певец орет и прыгает по сцене, весь вспотев, из всех подмышек течет и пахнет, и малолетки-зрители понимающе говорят: во классно работает! А смысл не в том, чтобы на сцене вспотеть и описать от натуги. Никто не должен видеть твоей кухни. Ты всех доводи до экстаза, оставляя сухим во всех смыслах.

У замечательного преподавателя Эверарди, основателя нашей школы, была такая формула: здоровым каждый споет; больным спеть, чтобы не понял зритель, что ты болен, — можно. Но больным спеть так, чтобы — самое главное! — не повредить самому себе — это и есть настоящая школа. А такое действительно непросто.

Пример Филиппа Киркорова в этом смысле почти единственный, он честно старается освоить вокал. Его педагог говорит, что сделала из совершенно непоющего человека популярного певца — это, кстати, один из немногих примеров, когда такое действительно удалось. Поэтому у него такое огромное количество завистников среди собратьев.

СЮРПРИЗЫ В ТУМБОЧКЕ И В КОРОБКЕ С ГРИМОМ

Артисты на сцене — «братья по партии», но и подшутить друг над другом случая не упускают. В арии Евгения Онегина есть финальная нота соль, весьма непростая для баритона: «Позор, тоска, о жалкий жре-е-ебий мой!» — и, если хорошо ее споешь, зал доволен и полчаса хлопают. В партии мистера Икс этих «соль» натыкано, как собак нерезанных, и надо их все пропеть. Для этого нужна довольно серьезная подготовка. Солист Свердловского театра оперетты Каринтели, красавец и любимец публики, грузинский князь по происхождению, иногда срывался на какой-нибудь из этих нот, давал «петуха» и очень расстраивался. Тогда он шел к себе в уборную, где у него в тумбочке хранилась бутылочка коньячка и наливал рюмочку. Махнет, посидит немножко, успокоится и идет играть дальше. И «братья по партии» не упустили случая подшутить. Однажды, когда он в очередной раз дал «петуха» и пошел к себе в гримерную, из его тумбочки с коньячком вылетел натуральный петух и ошалело заорал: «Ку-ка-ре-ку». Ну с князем истерика, едва успокоили.

Случались шутки и покруче, позлее. Был в оперетте совершенно удивительный артист, который не выговаривал почти все буквы русского алфавита, кроме «р», да и эту произносил грассируя. Но он был комиком и для него это было нормально, поскольку смешно. Он обладал феноменальной памятью и помнил именины и дни рождения всех дам театра и каждый день поздравлял кого-то. Милейший человек — Леопольд Семенович Большов. Но беда в том, что он всегда приходил за несколько секунд до начала спектакля и помреж, партнеры всякий раз страшно дергались — то ли спектакль отменять, то ли замену срочно разыскивать. Настроение портил всем ужасно. Наконец партнерам надоело его опоздания и они намешали

ему в коробку грима, извиняюсь, свежего дерьма. Он прибегает, как всегда, за три полминуты до начала, хватается за грим, начинает мазаться. «Чего-то попахивает, ребята...» Подвел глазки. «Ребята, на дерьмо похоже...». Нарумянил щеки, освежил красным баканом губы и заключил: «Точно, говно!» Но деваться уже некуда, времени нет ни секунды, даже умыться, надо играть. Так он в этом гриме и играл до конца, и играл почти гениально, потому что по его роли все прочие персонажи должны были брезгливо от него отворачиваться. Как известно, короля играет свита...

ЛЮБОВЬ — ЭТО ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Я и Светлана Варгузова летим в Краснодар играть «Веселую вдову» в тамошней оперетте, она — Главари, я — Данила. Должны вылететь в 13.45. Заказали билеты нашему уважаемому администратору Борису Давидовичу Рабину. В то время он почти не просыхал. «Дорогие мои, нет вопросов!» Приезжаем в аэропорт, смотрим: «Рейс 1345» — вот так совпали цифры. Но этот рейс отправлялся на четыре часа позже, чем надо. Плюс поясная разница. И мы понимаем, что на спектакль не попадаем, прилетим через полчаса после начала. А ведь нужно хоть чуть-чуть порепетировать с коллективом, сказать дирижеру, в какой тональности будем петь. Да только чтобы сделать знаменитую восьмизатяжную прическу, Светлане Варгузовой нужно полчаса. Нам все ясно... И тут по самолету объявляют: артисту Барынину пройти к пилоту. Я прихожу, и пилот меня спрашивает: «Вы в состоянии играть сегодня спектакль «с колес»? Зрители уже собрались, но их попросили погулять с полчаса, пока прилетят артисты, поскольку вылет задержался». И зрители ждут. Мы со Светланой решаем: будем играть, черт с ним, несмотря ни на что. Зрителей обманывать нельзя.

В аэропорту нас встречает милицейская машина и с мигалкой и сиреной мчит нас в театр. Прическу Светлане сделали за десять минут, одновременно все это время мы обговаривали с дирижером, что петь и в каком темпе. А с партнерами репетнуть уже не удалось, их печальные глаза я помню до сих пор.

Я выбегаю на сцену, тут же мне на руки падает какая-то девица и шепчет: «Целуй меня». Я шепчу в ответ: «На фига? Ты кто вообще?» — «Не важно, целуй». Оказывается, в трактовке местного режиссера появились какие-то персонажи, о которых мы вообще ничего не знаем. Целую и спрашиваю: «Что дальше?» Она диктует: «Подними голову и скажи: без чувств». Я повторяю: «Без чувств-с-с», она начинает ржать, я говорю: ну вот, совсем очулась. Она шипит: «Не смей меня, а то опишусь». Тогда смех начинает душить меня — и вот на ходу идет такая штука. Зрители, в общем, довольны, потому что знают спектакль наизусть, а тут явно что-то новое. Таких мелочей в спектакле было много, но в конце концов приходит время сцены нашего дуэта с Варгузовой, мы начинаем говорить о самом главном — о любви — и вдруг я чувствую, что падаю, а Светлана уплывает куда-то в сторону. Ничего не понимаю, потому что сегодня еще ничего не пил, начинаю переступать ногами, чтобы удержаться. Такие же странные движения совершает и она. В конце концов я ее подхватываю, и до нас доходит, что помреж и машинист в соответствии с задумкой режиссера, раскрутили сцену, о чем нам не успели сказать. Она — на внутреннем круге вертится налево, а я на внешнем — направо, и все это время нарастает «лямур-тужур», а в зале стоит гомерический хохот, потому что со стороны выглядит ужасно смешно!

Спектакль прошел «на ура!», зрители решили, будто мы все специально придумали сами. «Ну черт те что делают эти москвичи, надо же какой ход придумали!» Поэтому на завтра оба спектакля мы повторяли точно так же, подскакивая друг перед другом на вращающейся в разные стороны сцене.

ЗАНАВЕС. АРИЯ КАТЕРИНЫ

В доме Валерия Барынина живет собачка неизвестной породы по имени Катя, размером в полкошки, обожающая своего хозяина всем своим крохотным существом от носа до кончика хвоста. «Катя у меня тоже поет, — сказал Барынин. — Но только дуэтом и только с партнерами высочайшего класса. С Паваротти, например, или со мной... А если класс певца ниже, она петь никогда не станет».

Я попросил продемонстрировать. Барынин слегка откашлялся и запел в итальянской манере «О солие мио». Дремлющая Катя тут же проснулась, села поудобней и принялась старательно подтягивать. В продолжение эксперимента я тоже запел, стараясь изо всех сил, но Катя с отвращением отвернулась и ушла.

Записывал Борис РУДЕНКО